

Чжун Мин вернулся на лодку и не успел даже опустить принесённые вещи, как к нему подбежал Чжун Хань с маленькой удочкой в руках.

— Старший брат, смотри, какую я рыбку поймал!

За ним вприпрыжку последовал Додо. С ноги кота уже сняли бамбуковую шину, на первый взгляд казалось, что он выздоровел, но приглядевшись, можно было заметить лёгкую хромоту.

На тонкой леске покачивалась крошечная плоская рыбешка не больше ладони. Когда такие попадают в сети во время выхода в море, их обычно просто выбрасывают обратно.

Но Чжун Мин не стал портить младшему брату веселье и похвалил его:

— Вот это да! Уже рыбу ловишь - разве не молодец? Надо бы ещё пару таких, вечером сварим суп с тофу и рыбой.

Чжун Хань гордо вскинул голову.

— Не одна, я уже две поймал! — и, оберегая добычу, добавил: — Эту нельзя в суп, она для Додо. А если брат захочет суп с рыбой, я пойду и ещё наловлю.

Чжун Мин с улыбкой обхватил его лицо ладонями и легонько потеревил:

— Хороший мой, брату с тобой одно спокойствие.

С этими словами он достал тангулу, которые тащил всю дорогу:

— На, угадай, что это?

Но и угадывать было не нужно — торчащий из обёртки обломок бамбуковой палочки говорил сам за себя. Чжун Хань радостно вскрикнул и чуть было не выронил и удочку, и повисшую на крючке рыбку.

— Сахарные шарики! Старший брат, ты такой хороший! — воскликнул Чжун Хань.

Чжун Мин небрежно бросил принесённые вещи на палубу, принял из рук брата удочку и велел тому распаковать лакомство и съесть. Заодно пояснил:

— Это не я купил. Это брат Су И постарался. В деревне повстречались, он специально для тебя купил и передал мне, чтобы отдать малышу. А ещё вот креветочная паста, тоже от брата Су И.

Чжун Хань, сияя от радости, облизнул шарик, и глаза у него засияли, отражая вкусное угощение.

— Тогда в следующий раз, когда поймаю рыбу, тоже отнесу брату Су И!

Пока на судне у семьи Чжун царила братская теплота и радость, на лодке семьи Лу всё было совсем иначе. Су И только поднялся на борт, как Лю Ланьцао, в фартуке, потрошившая на палубе рыбу, с грохотом швырнула ножницы и с упрёком в голосе закричала:

— Отправили продать банку креветочной пасты, а ты где шлялся столько времени? Опять, поди, лодырничал! Кто не знает - подумает, что тебя в море утащило и рыбы доедают!

Раз уж Су И вернулся, ей самой потрошить рыбу больше не хотелось. Она присела у борта, ополоснула руки в воде, вытерла их о фартук, встала и с видом полной уверенности потребовала:

— Покажи теперь, какое великое дело ты провернул. Деньги где? А ну живо доставай!

Су И на рынке продавал креветочную пасту в розницу — порциями примерно по цзиню, а кое-кому на сдачу и побольше отмерял, на полляна больше. Всего набиралось где-то тридцать с лишним вэнь.

Он достал связку медных монет — около тридцати с лишним — и отдал Лю Ланьцао. Та, пересчитывая деньги, заглянула в корзину, с которой он вернулся.

И тут у неё глаза на лоб полезли.

— Ах ты, ловкач! — взвизгнула она. — Унёс две банки, а вернулся с одной, да и та — меньше двух цзиней! А медяков на донышке! Ты даже из дома не вышел, а уже ворует у семьи!

Голос у неё был резкий, пронзительный, и стоило ей разразиться воплями, как все соседи с лодок по соседству повысовывали головы посмотреть, что случилось. Она даже не пыталась говорить тише — махала руками и тыкала пальцем в Су И, распаяясь всё больше.

Су И же оставался спокоен и ровно произнёс:

— Та, что была побольше, продана в ресторан в деревню. Договор у нас постоянный, расчёт раз в месяц.

Лю Ланьцао на миг опешила, но тут же нахмурилась и с недовольством в голосе выкрикнула:

— Ты, что ли, с ума спятил?! В доме на каждом шагу расходы, а ты соглашаешься с кем попало на расчёт через месяц! А если они тебе потом не заплатят? Даром всё отдал, и рад?! — с этими словами она швырнула связку монет за пазуху и решительно начала снимать фартук: — Какой это ресторан такой бесстыдный! Я сама пойду и потолкую с ними!

Су И в ответ спокойно спросил:

— А как тетя с ними собирается разбираться? Эту сделку я заключил сам, с владельцем заведения, нашли человека, составил контракт, всё письменно, с отпечатками пальцев. Чёрным по белому: ресторан никуда не денется. Единственное — при расчёте нужен я лично, без меня не заплатят.

Движения Лю Ланьцао замерли. Она была женщина со смекалкой, и сразу уловила суть. Обернулась и уставилась на Су И, будто впервые увидела его по-настоящему.

— Это что же, — голос её стал всё выше, — ты, значит, хочешь отделиться? Семью покинуть?!

Голос её звенел:

— Я тебя сколько лет кормила, одевала, место на маленькой лодке освободила тебе под жильё, и это, думаешь, ничего не стоило? Деньги, что ты мне отдавал, я же для тебя копила! На приданое! Всё равно бы тебе все досталось!

Су И посмотрел на её искажённое лицо, и его невольно потянуло усмехнуться — до того это было нелепо. Видно, если твердить ложь достаточно долго, можно и самому в неё поверить. Он сдерживался много лет, но, кажется, сегодня его терпение дошло до предела. Слова подступили к горлу, и он уже не мог молчать.

— Я носил обноски, ел остатки, тащил на себе почти всю работу, какая только есть в доме, — и при этом даже не знаю, куда тётушка эти серебряные деньги девала.

— Ты!.. — Лю Ланьцао побелела от злости и с размаху подняла руку — намереваясь влечь ему пощёчину.

Соседи с соседних лодок, до этого просто наблюдавшие за скандалом, тут же поспешили вмешаться — одно дело слушать ругань, и совсем другое, когда дело доходит до рукоприкладства. На лодке это особенно опасно — чуть оступился, и в воду.

— Ланьцао! Да что ты с ним споришь! Не доводи себя — сердце ж одно!

— Эй, — кто-то обратился к Су И, — быстро извинись перед тёткой! Легко ей, что ли, тебя растить?

Лю Ланьцао, уловив благоприятный поворот, тут же — нарочно или взаправду — залилась слезами:

— Ах, горькая моя судьба!..

Кто-то, подхватив разговор о креветочной пасте, присоединился к упрекам, поддерживая Лю Ланьцао:

— Да рецепт-то ведь принадлежит семье Лу! Ты ж по фамилии Су, не Лу! Су семья от тебя отказалась — кто ж тебя тогда спас? Это твои дядя с тёткой тебя приютили, подняли на ноги, да ещё и рецептом пасты поделились! Без них разве бы у тебя нынешняя жизнь была? А ты теперь что творишь? Берёшь, значит, пасту и с чужими торговлю ведёшь, да ещё и всё вырученное — в карман себе, сам себе хозяин стал?!

Тот, кто ругал Су И, был одним из родственников Лю Ланьцао по её родне, давно с нею заодно — всегда держались вместе, говорили в унисон. Лю Ланьцао слаженно подхватила — ещё раз горестно всхлипнула, будто подтверждая каждое слово.

Су И оказался словно в центре обстрела, со всех сторон. Любой другой на его месте, возможно, уже бы растерялся. Но он к таким сценам привык с малых лет — слова, как ножи, впивались в него с детства, и теперь уже не оставляли ни боли, ни следа.

— Дядюшка, — невозмутимо проговорил он, — вы с самого начала ошибаетесь. Рецепт креветочной пасты всегда был моим, а не семьи Лу.

Стоило ему это сказать, как у кое-кого из собравшихся тут же изменилось выражение лица — по всей видимости, вспомнили что-то. Когда снова посмотрели на Лю Ланьцао, в глазах у некоторых мелькнула насмешка.

Лю Ланьцао, которую уже успели оттащить в сторону и усадить на палубу, завопила:

— Су И! Какая же у тебя толстая кожа! Ради денег — ладно, но ты ещё и рецепт себе приписал! Да как ты смеешь! Как ты можешь поступать так с покойным дядей?!

Спор давно уже вышел за пределы одной лодки, на шум сбежались не только ближайšie соседи, но и с дальних судов народ начал подходить поглядеть, что происходит.

Когда людей собралось достаточно много, нашлись, конечно, и те, кто с Лю Ланьцао был в хороших отношениях, но также и те, кто её терпеть не мог. А ведь всё это, по правде говоря, было ею самой и посеяно. С тех пор как Су И вывел рецепт креветочной пасты, и дело его пошло в деревне в гору, Лю Ланьцао и пальцем не шевелила — только и делала, что лежала, а деньги текли к ней в руки. За месяц продавалось не меньше двадцати цзиней пасты — если прикинуть, это давало не меньше шести цянней серебра. Из них Су И хорошо если доставалось

десяток вэнь.

Обретя в руках такой источник дохода, Лю Ланьцао не стеснялась щеголять этим. Перед людьми хвасталась, как у неё жизнь удалась: мол, и рецепт для наживы остался от покойного мужа, и племянник есть, на которого можно навалить всю работу, и двое детей геров-красавчиков, и пухленький мальчуган — прямо судьба у неё, как в сказке: сперва беды, а потом сладкая жизнь.

Разумеется, за эти годы, кичась своим положением, она не раз отпускала едкие и высокомерные замечания в адрес тех, кто был ей неприятен. И вот теперь, когда настала её очередь опростоволоситься, именно те, кому она прежде язвила, выдвинулись вперёд, насмешки были неизбежны.

Впереди толпы встала пара своячениц, взявшихся под руки. Одна из них, словно нарочно, громко обратилась к другой:

— Сестрица, ты это слышала? Су И, вон, сказал, будто рецепт креветочной пасты его личный! А мне вот помнится, что этот рецепт вроде бы семьи Лу?

Другая женщина с лукавой улыбкой подхватила:

— Сестрица, я ведь тебе раньше уже говорила, что тут дело нечисто, а ты всё не верила. Если уж это и вправду рецепт семьи Лу, так его, выходит, Лу Цюань оставил? А человек-то давно помер, сколько лет уже прошло. Почему ж тогда при нём никто этим соусом не торговал? Был бы у них хороший рецепт, чего ж его в доме держать, будто курицу, что яйца несёт?

Слова её, сопровождаемые серией вопросов один другого острее, звучали с таким нажимом, что даже у тех, кто прежде поддерживал Лю Ланьцао, включая её родственника, на лицах проступили тени сомнения, будто что-то начало становиться на свои места.

Кто-то из толпы добавил:

— Какой там ещё рецепт семьи Лу! Я из семьи Лу и отродясь не слыхивала, чтоб у нас в роду был какой-то рецепт пасты.

— Так, может, это рецепт семьи Лю? — прошептал кто-то, как бы между прочим.

Но женщина, начавшая разговор, только насмешливо хмыкнула:

— Сестра Лю у нас женщина с норовом, будь рецепт из семьи Лю, разве бы она его отдала Су И? У неё же гер замужем — почему тогда не ему поручила продавать пасту? Да и сын у неё есть, почему бы не занялся делом?

И впрямь, таковы уж люди: пусть к Су И никто особо добр не был, но это ничуть не мешало им с удовольствием понаблюдать, как позорится Лю Ланьцао.

Глаза у Лю Ланьцао налились кровью, и она с силой оттолкнула двух женщин, державших её за руки, а затем, сорвавшись на визг, закричала вслед свояченицам с берега, обзывая их "мерзкими бабами".

Су И же остался в стороне, словно ни при чём — стоял себе, будто лишний.

Вся эта сцена напоминала глухую тяжбу без суда и следствия. Долго это продолжаться не могло — вскоре выдвинулась какая-то старуха, заговорила примирительным тоном, пытаясь сгладить конфликт, но по сути призывая Су И уступить.

— И-гер, — начала она, — уж кто бы там этот рецепт ни придумал, но тётка тебя столько лет растила, почтительность к ней — это твоя обязанность. Еда, одежда, всё за счёт семьи. Даже родной сын, если после свадьбы живёт с родителями, всё равно должен в общее хозяйство сдавать. Разве это обида?

Но стрелу, выпущенную из лука, уже не вернуть. Су И прекрасно понимал, что с Лю Ланьцао сегодня он порвал окончательно, и потому не стал ничего сглаживать — напротив, прямо и твёрдо сказал:

— Бабушка, не стоит делать вид, будто вы всего этого не знаете. Все эти годы в доме дяди я носил обноски, доедал за другими. Когда в доме ели рыбу, мне, бывало, только хребет от нее оставят. Работу в доме, большую и маленькую, я делал всю. А если уж речь пошла о внесении денег в общий котел, так пусть бабушка сама спросит у моей тётки — сколько «взносов» она с меня собрала за эти годы? Сколько зерна она на эти «взносы» купила, и сколько зёрен из того я сам съел?

Старуха поперхнулась, бросила быстрый взгляд на Лю Ланьцао и замолкла, не зная, как ответить. На Су И была одежда в заплатках поверх заплат, рукава и штанины давно стали коротки, а косу он перевязывал выцветшей, обтрепанной тряпицей.

А если посмотреть на Лю Ланьцао да на её детей — Лу Юя и Лу Фэна, то те хоть и не в новой одежде, но, по крайней мере, не в лохмотьях, как у Су И. Конечно, Су И ведь не родня по крови — не Лу, и в том, что хозяйка дома предпочитает своих, нет ничего удивительного. Только вот на запястье у Лю Ланьцао поблёскивает новый серебряный браслет. Поговаривали, что этот браслет она прикупила себе не так давно, когда Лу Юэ выходил замуж.

Такой браслет стоит как минимум два-три лян серебра. А ведь сама Лю Ланьцао вечно жалуется, что вдова, всё сама тянет, дом держит, едва сводит концы с концами — мол, живёт только за счёт продажи креветочной пасты. Но теперь, когда выяснилось, что рецепт принадлежит вовсе не семье Лу, а Су И, — стало ясно, что все эти годы она, по сути, обдирала племянника, чтобы прокормить свою родню.

Су И, очевидно, тоже это сообразил. Он посмотрел на Лю Ланьцао с холодной насмешкой:

— Новый браслет тётушки, надо полагать, тоже из моего приданого?

На берегу тут и там раздались сдержанные смешки, люди посмеивались над бесстыдством Лю Ланьцао.

Она стиснула зубы так, что чуть не сломала. Ей казалось, что Су И нарочно всё это подстроил, заранее запланировал — лишь бы опозорить её перед всеми. Но на самом деле всё вышло потому, что она сама, не разобравшись, с ходу набросилась на него с обвинениями, начав с жадности и воровства. А Су И просто сорвал с неё покров, под которым она так долго пряталась.

Су И слишком хорошо знал Лю Ланьцао. Если не дать ей отпор прямо сейчас — глядишь, к завтрашнему дню весь Байшуйао будет твердить, будто он украл у семьи Лу деньги. Тогда уж он будет не только «бедствием» и «неблагодарным белоглазым волчонком», но и вором, да ещё с клеймом на всю округу.

К финалу всей этой сцены вернулся и Лу Юй, который водил Лу Фэна к бабушке с дедом побаловаться. Узнав, что произошло, он тут же всучил младшего брата Лю Ланьцао, сам закатала рукава и с места ринулся к Су И — хотел выдрать ему волосы.

Су И одной рукой перехватил его руку, другой резко толкнул — Лу Юй не удержался и шлёпнулся на землю. Хотя Су И и выглядел худощавым, но, с детства приученный к тяжёлой работе, в силе явно превосходил Лу Юя.

Тот упал прямо на зад и, скривившись, с покрасневшими глазами закричал от обиды:

— Ты, звезда несчастья, сглаз проклятый! Убирайся прочь! Прочь из нашего дома!

И именно эти его слова будто бы отрезвили Лю Ланьцао, чей взгляд до этого был полон злобы. Внезапно до неё дошло: Су И ведь не может уйти из их дома. А если уйдёт — разве не обрадуются сразу родичи из семьи Су? У них тогда будет законный повод больше не давать ей ни риса, ни провианта.

В те годы, когда она с покойным мужем взялись воспитывать этого племянника, дело ведь не обошлось без выгоды — Лю Ланьцао тогда получила за него компенсацию. Семья Су не хотела оставлять ребёнка, но и утопить подросткового мальчишку вроде бы уже не подобало — вот и придумали выход: отдать его родственникам.

Она велела Лу Цюаню запросить у семьи Су серебро, да ещё ежемесячно получать по несколько шэнов грубого риса. Семья Су считалась зажиточной, на мешке-другом они не обеднеют, а вот сама она с тех пор немало лет жила с ощутимой прибылью.

Тем более, пока Су И живёт под их крышей, что бы он ни заработал на соусе — часть денег всё равно окажется у неё. А если он уйдет, то и доход пропадет. Всё держится на слове «сыновняя почтительность», да и кто поспорит — воспитание порой важнее родства. Столько глаз смотрит — попробуй послушайся.

Она недооценила этого мальчишку, приняв его за бессловесного, терпеливого, с каким можно делать что угодно. А ведь как говорится, даже загнанный в угол кролик укусит.

После слов Лу Юя Лю Ланьцао, однако, промолчала. Не стала подхватывать.

Су И, глядя на эту парочку, не удержался от лёгкой, холодной усмешки. Да, всё верно: пока он не выйдет замуж, ему с Лю Ланьцао суждено терпеть друг друга, стиснув зубы.

Он отвёл взгляд и, не сказав ни слова, не оборачиваясь, пошёл сквозь толпу прочь.

<http://bllate.org/book/13583/1205003>